

Религіозно-філософскія письма Н. И. Пирогова.

Какимъ бы предметомъ ни занимался человекъ науки, всё знаютъ, что онъ никакъ не отдѣляется отъ назойливаго вопроса: во что онъ вѣритъ; а этотъ вопросъ—самый главный: согласны ли его вѣрованія съ убѣжденіями, добытыми имъ путемъ науки?

Пироговъ „Дневникъ“, изд 1910, стр. 164.

Въ майской книгѣ „Рус. Старины“ за 1915 г. мною опубликовано нѣсколько писемъ знаменитаго хирурга, посвященныхъ вопросамъ воспитанія, брака, семейной жизни и т. п. Письма эти, объединенныя въ одну группу по содержанию, представляли собой часть переписки Н. И. Пирогова съ баронессою Ал. Ант. Бистромъ (впослѣдствіи его второй женой) и взяты изъ собранія писемъ, сохранившихся у его сына, нынѣ покойнаго Владиміра Николаевича Пирогова. Всего въ этомъ собраніи находится 22 письма къ А. А. Бистромъ, размѣромъ отъ 3 до 41 страницъ, исписанныхъ мелкимъ, убористымъ почеркомъ. Много страницъ этой переписки, вызванной любовью всемірно-извѣстнаго уже въ то время ученаго къ 22-хъ лѣтней дѣвушкѣ, посвящено изложенію общественныхъ взглядовъ Пирогова, много въ этихъ письмахъ данныхъ для выясненія происхожденія его педагогическихъ идей, имѣвшихъ такое большое значеніе для развитія русской общественности, и мнѣ приходилось уже отмѣчать цѣнность всѣхъ этихъ вновь публикуемыхъ матеріаловъ для жизнеописанія одного изъ лучшихъ людей XIX вѣка.

Предлагаемое здѣсь письмо Н. И. Пирогова—самое большое по размѣру изъ всей его переписки съ А. А. Бистромъ—особенно цѣнно въ только-что указанномъ отношеніи потому, что оно почти цѣликомъ посвящено изложенію его взглядовъ на вопросы религіи и вѣры. О своихъ религіозно-філософскихъ

возврънїяхъ Пироговъ говоритъ очень подробно и обстоятельно въ „Дневникъ стараго врача“, который онъ писалъ въ послѣдніе два года своей жизни. Изложивъ въ „Дневникъ“ свои взгляды на вопросы религіи и вѣры, онъ резюмируетъ ихъ въ слѣдующихъ словахъ, такъ краснорѣчиво характеризующихъ стараго естественника и автора знаменитаго предисловія къ „Анналамъ Дерптской Хирургической Клиники“¹⁾.

„Вотъ и я, грѣшный, хотя и поздно, но убѣдился, наконецъ, что мнѣ, при складѣ и емкости моего ума, не слѣдовало попадать въ колеи крѣпкихъ духомъ и одностороннихъ спеціалистовъ. Жизнь-матушка привела, наконецъ, къ тихому пристанищу. Я сдѣлался, но не вдругъ, какъ многіе неопиты, и не безъ борьбы, вѣрующимъ. Къ сожалѣнію, однако же, еще и до сихъ поръ, на старости, умъ разѣдаетъ по временамъ оплоты вѣры. Но я благодарю Бога за то, что по крайней мѣрѣ успѣлъ понять себя и увидалъ, что мой умъ можетъ ужиться съ искреннею вѣрою. И я, исповѣдуя себя весьма часто, не могу не вѣрить себѣ, что искренно вѣрую въ ученіе Христа Спасителя.

Прежде меня слишкомъ занимала историческая сторона христіанства. Теперь я убѣдился, что это—дѣло науки, слѣдовательно, требующее и научныхъ пріемовъ; но въ наукѣ я всегда былъ и буду за полную свободу изслѣдованія, самаго чистаго и свободнаго отъ всякой задней мысли. Для того же, кто, какъ я, ищетъ въ ученіи Христа, мира и утѣшенія, вся суть не въ исторіи.

Самъ Спаситель ничего ни оставилъ намъ документальнаго въ научно-историческомъ смыслѣ. Мы узнаемъ о Его жизни и ученіи изъ книгъ, писанныхъ Его послѣдователями. Эти письменна дошли до насъ чрезъ тьму вѣковъ, и какихъ еще вѣковъ—язычества, сектантства, варварства, фанатизма! Кто по современно-научнымъ понятіямъ рѣшитъ теперь—что апокрифъ, что нѣтъ; безъ строгой исторической критики теперь немислима стала никакая исторія, даже и священная. А къ какимъ результатамъ можно придти, изслѣдуя строго и свободно на-

¹⁾ Въ этомъ предисловіи, между прочимъ, читаемъ: „Я считаю священной обязанностію добросовѣстнаго преподавателя немедленно обнаруживать свои ошибки и ихъ послѣдствія, для предостереженія и назиданія другихъ, еще менѣе опытныхъ, отъ подобныхъ заблужденій... Откровенное и добросовѣстное описаніе дѣятельности имѣетъ важное значеніе. Истинное изложеніе дѣйствій, хотя бы и ошибочныхъ, укажетъ на механизмъ самыхъ ошибокъ и на возможность избѣгнуть ихъ повторенія... Въ моей книгѣ нѣтъ мѣста ни для лжи, ни для самохвальства“...

учно историческіе документы христіанскаго ученія, можно узнать отъ тюбингенской школы, отъ Штрауса и Ренана, и если бы пришлось выбирать между двумя послѣдними, то я все-таки предпочелъ бы изъ двухъ золь выбрать меньшее, по моему мнѣнію,—это Штрауса (т. е. его книгу „Жизнь Іисуса Христа“, а не смерть самого Штрауса, кажется, рехнувшагося со-всѣмъ при концѣ жизни).

Для меня главное въ христіанствѣ—это недостижимая высота и освящающая душу чистота идеала вѣры; на немъ цѣлыя вѣка тьмы, страстей и неистовствъ не оставили ни единого пятна; кровь и грязь, которыми міръ не разъ старался осквернить идеальную святость и чистоту христіанскаго ученія, стекали потоками назадъ на осквернителей“¹⁾.

Это написано въ послѣдніе годы жизни автора „Дневника“. О томъ же, каково было его религиозное воспитаніе въ дѣтствѣ, въ семьѣ родителей, которые оставались набожными до самой смерти, водили дѣтей во всѣ положенные дни въ церковь, заставляли ихъ строго соблюдать посты и т. п.,—Пироговъ пишетъ: „Евангеліе въ зеленомъ бархатномъ переплетѣ съ изображеніями на эмали четырехъ евангелистовъ, закрытое серебряными застежками, стояло передъ кивотомъ съ образами. Мнѣ его не читали ни дома, ни въ школѣ. Иногда только я видѣлъ отца читавшимъ изъ Евангелія во время молитвы, но потомъ оно закрывалось, цѣловалось и становилось снова подъ образа... Слова молитвы, также какъ и слова Евангелія, слышавшіяся въ церкви, считались сами по себѣ, какъ слова, святыми и исполненными благодати Святаго Духа; большимъ грѣхомъ считалось переложить ихъ и замѣнить другими; духъ старообрядчества, только уже Никоновскаго старообрядчества, былъ господствующимъ“²⁾.

И только въ 1842 г., когда онъ былъ уже знаменитымъ профессоромъ медико-хирургической академіи, во время очень тяжелой болѣзни, вызванной его усиленными трудами въ клиникахъ и анатомическомъ институтѣ, Пирогову въ первый разъ въ жизни пришла мысль объ упованіи въ Промыселъ. „И вмѣстѣ съ упованіемъ зародилась въ душѣ какая-то сладкая потребность семейной любви и семейной жизни“.

Каковъ былъ дальнѣйшій ходъ развитія новой религиозной системы Пирогова, неизвѣстно, такъ какъ „Дневникъ“ обры-

¹⁾ „Дневникъ“, изд. 1910 г., стр. 187—188.

²⁾ „Дневникъ“, изд. 1910 г., стр. 158—159.

вается на разсказѣ о сватовствѣ автора къ Е. Д. Березиной (первая жена Н. И., о ней—въ майской книгѣ „Рус. Старины“ за 1915 г.). Извѣстно, что въ послѣдующіе годы онъ не менѣе ревностно, чѣмъ раньше, занимался своими распилами и разрѣзами, операціями и лекціями.

Въ 1846 г. умерла первая жена Пирогова. Подавленный горемъ, собираясь въ продолжительное заграничное путешествіе, чтобы немного разсѣять тягостное состояніе, вызванное безвременной, трагической кончиной любимой жены, Н. И. писалъ своей доброй знакомой, Е. Н. Огонь-Догановской ¹⁾, сообщая ей о послѣднихъ дняхъ Екатерины Дмитриевны и прося сообщить ему, что ей извѣстно объ этомъ: „Какъ мало, напримѣръ, мы все еще проникнуты мыслью о безсмертіи! Мы выговариваемъ только это слово, какъ попугай, но, въ сущности, вѣрять мнѣ, мы тѣ же язычники и грубые, невѣжественные матеріалисты. Мы толкуемъ только, что мы вѣримъ въ другой міръ, а соотвѣтствуетъ ли хоть одинъ нашъ поступокъ этому вѣрованію? Когда бы эта мысль проникнула совершенно наше существованіе, то она отражалась бы вездѣ“...

Въ 1848 г. Пироговъ совершилъ свою знаменитую научную поѣздку на Кавказъ, столь плодотворную по результатамъ для развитія хирургіи, а по возвращеніи оттуда вошелъ въ близкое соприкосновеніе съ группировавшимся вокругъ великой княгини Елены Павловны кружкомъ общественныхъ дѣятелей. Приблизительно въ то же время, или нѣсколько ранѣе, Н. И. познакомился съ сыномъ бывшаго морского министра, художникомъ Ѳ. А. Моллеромъ, и его сестрой, Эмилией Амосовной Глазенапъ. У нихъ же была общая знакомая вдова генерала Евг. Ѳед. Козень, урожденная Бистромъ, съ которой Пирогова познакомилъ его дерптскій пріятель, студенческаго времени, сынъ фельдмаршала, Ник. Петр. Витгенштейнъ. Ѳ. А. Моллеръ, какъ писалъ мнѣ въ декабрѣ 1913 г. Вл. Ник. Пироговъ,— вмѣстѣ съ Евг. Ѳед. Козень, „былъ представителемъ очень возвышенныхъ стремленій тогдашней петербургской интеллигенціи“. Подъ вліяніемъ этой группы въ міровоззрѣніи Н. И. произошелъ, по словамъ его сына, поворотъ въ сторону болѣе идеалистическаго направленія.

Въ „Дневникѣ стараго врача“ объ этомъ же времени читаемъ: „Послѣ погрома моей обрядовой религіи, которую исповѣды-

¹⁾ Сестрѣ бабки извѣстнаго педагога С. А. Рачинскаго, который и опубликовалъ эти письма; они—въ сочиненіяхъ Пирогова, изд. 1914 г., т. I.

валъ съ дѣтства, и послѣ того, какъ убѣдился, что не могу быть ни атеистомъ, ни деистомъ, я искалъ успокоенія и мира души, и, конечно, пережитое уже мною, чисто внѣшнее вліяніе таинствъ церковныхъ богослуженій и обрядовъ не могло успокоить взволнованную душу. Вся внѣшняя сторона вѣры оказывала на меня вмѣсто успокаивающаго и примиряющаго дѣйствія — другое, противоположное. Мнѣ нуженъ былъ отвлеченный, недостижимо-высокій идеалъ вѣры. И, принявшись за Евангеліе, котораго я никогда еще самъ не читывалъ,—а мнѣ было уже 38 лѣтъ отъ роду,—я ¹⁾ нашелъ для себя этотъ идеалъ“ ²⁾.

Итакъ, по свидѣтельству самого Пирогова, онъ въ первый разъ приступилъ къ чтенію книгъ Священнаго Писанія 38 лѣтъ отъ роду, т.-е. въ 1849 г. И, повидимому, читалъ онъ ихъ усердно, такъ какъ черезъ годъ, въ письмахъ къ А. А. Бистромъ, проявлялъ серьезное знакомство съ Евангеліемъ, Дѣяніями Апостоловъ и нѣкоторыми спеціальными богословскими сочиненіями. Самымъ любимымъ его чтеніемъ было чтеніе посланій Апостоловъ, изъ которыхъ преимущество онъ отдавалъ апостоламъ Іоанну и Павлу.

Въ началѣ 1850 г. Е. Θ. Козень познакомила Пирогова со своей молоденькой родственницей, 20-лѣтней дочерью генерала барона Антона Родриговича Бистрома—Александрой, и знаменитый европейскій ученый, которому тогда шелъ уже 40-й годъ, рѣшилъ, что эта дѣвушка соотвѣтствуетъ его идеалу жены и что она съумѣетъ замѣнить мать его малюткамъ-сыновьямъ.

Съ большимъ подъемомъ описываетъ Пироговъ знакомство свое съ А. А. Бистромъ въ письмѣ къ Θ. А. Моллеру отъ 16—20 февраля 1850 г. „15 февраля въ 9 часовъ вечера я положилъ мои вопросы жизни ³⁾ въ лѣвой боковой карманъ и отправился къ моей знакомой (Е. Θ. Козень). Я нашелъ тамъ моего пріятеля и незнакомую мнѣ даму... Понемногу рѣчь дошла и до вопросовъ жизни... Я нарочно сѣлъ противъ особы... Дошелъ до второго вопроса ⁴⁾. Читая его, я чувствовалъ, что

¹⁾ Въ рукописи „Дневника“ здѣсь были слова: „удивился что“ — зачеркнутыя авторомъ.

²⁾ „Дневникъ“, стр. 194.

³⁾ Заглавіе первой педагогической статьи Н. И. Пирогова, появившейся въ печати въ 1856 г. („Морской Сборникъ“, № 9, іюль) и вызвавшей все литературно-педагогическое движеніе 50-60 годовъ.

⁴⁾ Въ заключительныхъ строкахъ „Вопросовъ жизни“, въ обѣихъ редакціяхъ, читаемъ: „И такъ, вамъ предстоитъ рѣшить другой вопросъ жизни: какъ устроить вашъ семейный бытъ, какъ найти сочувствіе въ кругу вамъ близкихъ?“ Затѣмъ слѣдуетъ рядъ предположительныхъ ха-

дрожь и какіе-то сотрясающіе токи взадъ и впередъ пробѣгали по моему лицу, мой собственный голосъ слышался мнѣ другимъ въ ушахъ; я непроизвольно опять посмотрѣлъ на незнакомку и на этотъ разъ вижу — она отвернулась и украдкой утерла слезу. Еще разъ взглянулъ я; она уже сидѣла задумчиво одна. „Это она“, — сказалъ мнѣ что-то: — „Она!“ — повторилъ я твердымъ голосомъ. Мы обмѣнялись нѣсколькими словами...“¹⁾

Между новыми знакомыми возникла переписка, которая со стороны Н. И. Пирогова вылилась въ обширную серію писемъ-дневниковъ, въ которыхъ онъ подробно излагалъ свои взгляды на вопросы воспитанія дѣтей, устройства семейной жизни и т. д. Много говорилъ онъ въ нихъ о своей любви къ А. А. Бистромъ, давалъ обширныя самохарактеристики, поясняя, что желаетъ, чтобы невѣста до свадьбы хорошо узнала его и не укоряла бы послѣ свадьбы мужа въ томъ, что онъ увлекъ ее, неопытную дѣвушку, и что ей не по силамъ тѣ трудныя и сложныя требованія, которыя онъ предъявляетъ къ матери-воспитательницѣ. Много также мѣста удѣлено въ этихъ письмахъ изложенію взглядовъ гениальнаго врача на религію, и предлагаемое письмо полнѣе всего отразило именно эту часть вопросовъ жизни, такъ сильно занимавшихъ Н. И. въ періодъ, предшествовавшій его выступленію на поприще общественной дѣятельности.

Письмо это начато въ Страстной Четвергъ 1850 г., послѣ пріобщенія Пирогова Св. Таинъ, въ моментъ чрезвычайно высокой его душевной настроенности. и окончено въ Страстную Субботу. Такимъ образомъ, въ теченіе двухъ-трехъ дней, при своихъ обычныхъ научныхъ занятіяхъ, Н. И. написалъ свыше полутора печатныхъ листовъ, весьма содержательныхъ и глубоко продуманныхъ.

Излишне, въ виду приведенныхъ выше выдержекъ изъ „Дневника стараго врача“, дѣлать болѣе подробное сопоставленіе религіозныхъ воззрѣній Пирогова въ 50-хъ годахъ и въ концѣ его жизни. Но слѣдуетъ подчеркнуть основные моменты его религіозно-философскихъ взглядовъ въ ту пору, когда онъ былъ въ зенитѣ своей научной славы и въ расцвѣтѣ своихъ умственныхъ силъ. И слѣдуетъ отмѣтить, что по существу его позднѣйшіе взгляды не расходились съ идеями конца 40-хъ годовъ.

рактистикъ жены искателя идеальнаго въ земной жизни — отъ евангельской Мары до Ксантппы. Сочиненія, т. I, изд. 1914 г.

¹⁾ Письмо опубликовано въ журн. „Школа и Жизнь“, № 16 за 1915 г.

Ибо и въ періодъ наивысшаго развитія своей жизненной энергіи, и на закатѣ дней своихъ Пироговъ одинаково переносился, по выраженію нашего изслѣдователя психологіи всякаго умственнаго творчества, Д. Н. Овсянко-Куликовскаго, — „въ эмпирии высокой и вдохновенной мысли“, и всегда его посѣщало въ такихъ случаяхъ, „философское ясновидѣніе, когда разумъ становится лицомъ къ лицу съ сокровеннѣйшими тайнами природы“¹⁾. Ибо, какъ говоритъ этотъ же изслѣдователь по поводу религиозныхъ идей Пирогова, изложенныхъ въ его „Дневникѣ“, — „всѣ духовныя силы этого необыкновеннаго человѣка находились между собою въ полной гармоніи, и надо всѣми ими не господствовалъ, не владычествовалъ, — а сіялъ, какъ свѣточъ, могучій и высокой разумъ. Голова Пирогова — это такая самая голова, какихъ въ большомъ количествѣ производила только одна нація въ мірѣ — древнегреческая. Спокойствіе и сила, глубина и ясность, чутье правды и мѣры, истинный реализмъ, практической смыслъ и тактъ, почти инстинктивное пониманіе вопросовъ жизни, соединеніе въ одномъ человѣкѣ философа въ лучшемъ смыслѣ этого слова, — что такое все это, вмѣстѣ взятое, какъ не чисто эллинскій типъ древняго „мудреца“? 2)

Рѣзко и категорически подчеркиваетъ Н. И. Пироговъ по поводу одного выраженія въ письмѣ А. А. Бистромъ, что „слово ненависть можетъ быть терпимо въ христіанствѣ только въ отношеніи къ безчувственнымъ предметамъ, но не къ лицамъ и не къ взглядамъ. Терпимость — суть главныя отличительныя черты христіанства... Ничѣмъ лучше и сильнѣе не убѣждается невѣрующей и маловѣрующей въ истинной утѣшительности и высоты христіанскаго ученія, какъ терпимостію; она убѣждаетъ лучше всѣхъ доводовъ на свѣтѣ. И такъ, чтобы о религиозной ненависти я никогда отъ тебя не слышалъ, если ты истинно меня любишь и хочешь слѣдовать моимъ наставленіямъ. Это въ моихъ глазахъ нравственное преступленіе“.

И въ своей практической дѣятельности, когда онъ уже былъ миссіонеромъ просвѣщенія на постахъ попечителя Одесскаго и Кіевскаго учебныхъ округовъ, черезъ десять слишкомъ лѣтъ послѣ писемъ къ невѣстѣ, Пироговъ осуществлялъ свои идеалы. Онъ имѣлъ полное, нравственное и фактическое, право заявить въ своей прощальной рѣчи къ кіевскимъ студентамъ: „Нѣсколько для меня знаменательныхъ фактовъ доказали мнѣ,

¹⁾ „Тайна жизни“ (о Пироговѣ) — „Одесскія Новости“, 1885, 12 IX.

²⁾ „Л. Н. Толстой и Н. И. Пироговъ“, — „Одес. Нов.“, 1887, 23 I.

что мои убѣжденія, мои надежды—не обманули меня, и взаимное довѣріе, которое я клалъ въ основу моихъ дѣйствій, обнаруживаясь не разъ, награждало мои труды и заботы“... Въ другой рѣчи, произнесенной въ то же время, онъ говорилъ по тому же поводу: „Я зналъ, что гдѣ господствуетъ сила убѣжденія, тамъ исчезаетъ произволъ съ его волнующими слѣдствіями“¹⁾.

Далѣе Пироговъ поучаетъ свою молодую и проявляющую склонность къ квіетизму невѣсту о томъ, что такое истинная любовь по ученію евангелистовъ и апостоловъ. „Любовь долготерпитъ, милосердствуетъ, не завидуетъ, не помнитъ зла, все переноситъ, всему вѣритъ“—цитируетъ онъ апостола Павла и дѣлаетъ въ скобкахъ ремарку: „О, мужъ вдохновенный, Самъ Богъ руководитъ твоимъ перомъ!!!“, подчеркивая, что изъ трехъ, остающихся челоуѣчеству основъ жизни—вѣры, надежды, любви—любовь есть главнѣйшая. И разъясняетъ дальше, что это должна быть любовь къ ближнему, любовь дѣйственная. Съ трепетомъ и волненіемъ восклицаетъ онъ по поводу замѣчанія невѣсты, навѣяннаго ей пѣтистами, что вѣра можетъ быть вмѣнена вмѣсто дѣла: „Нѣтъ! Саша, вѣру безъ дѣла я не постигаю“. И подкрѣпляетъ свое заявленіе словами апостола Іакова, добавляя: „послѣ я тебѣ докажу, что все ученіе Христа было—вѣра дѣла“.

„Изливъ“ передъ невѣстой свое „пониманіе трехъ христіанскихъ добродѣтелей“, и заявивъ, что ему бы хотѣлось, чтобы и дѣти его „проникнуты были этими же убѣжденіями“, но чтобы они дошли къ нимъ не тѣмъ путемъ, опаснымъ „обрывистымъ, путемъ сомнѣній и заблужденій,—которымъ дошелъ отецъ ихъ“,—Н. И. приводитъ нѣсколько соображеній изъ области исторіи текста Священнаго Писанія. На-ряду съ этимъ онъ приводитъ біографическія свѣдѣнія объ евангелистахъ и апостолахъ, пользуясь книгой французскаго аббата Dassange'a.

Наконецъ, Н. И. переходитъ къ изложенію своего взгляда на значеніе вѣры. „Я со дня на день болѣе и болѣе вникаю въ его (христіанскаго ученія) смыслъ, и болѣе и болѣе убѣждаюсь и внутренно чувствую, въ чемъ, впрочемъ, и прежде уже былъ убѣжденъ и прежде чувствовалъ: дѣла, не молитва; вѣра дѣла, а не вѣра, выраженная однимъ помысломъ и молитвою,—*вотъ моя вѣра*... И еще было бы лучше, если бы добрыхъ (истинно добрыхъ) дѣла было столько въ моей жизни, чтобы они миѣ

¹⁾ Сочиненія, изд. 1914 г., т. I.

не давали времени молиться; тогда бы вся жизнь моя была молитва, въ настоящемъ, глубокомъ, христіанскомъ смыслѣ этого слова, т. е. вдохновенная, богоугодная жертва любви въ земной жизни“.

Послѣ ряда подтверждающихъ эти положенія выписокъ изъ священнаго писанія слѣдуетъ указаніе на два взгляда на сущность христіанскаго ученія: историческаго, полагающаго главнымъ основаніемъ самыя событія, и отвлеченнаго, видящаго въ христіанскомъ ученіи идеаль и считающаго этотъ идеаль земной жизни и стремленіе къ другой, вѣчной, за самое существенное. Высказывая далѣе утвержденіе, что идеаль христіанства вѣченъ, непреложенъ, единствененъ, приведа слова апостола Павла о томъ, что буква убиваетъ, а духъ животворить,— Пироговъ заявляетъ: „Я принадлежу къ послѣдователямъ идеальнаго или отвлеченнаго взгляда“...

Въ заключеніе этого обширнаго исповѣданія своей вѣры великій хирургъ говоритъ: „любовь нашу къ ближнимъ докажемъ дѣлами, а любовь нашу къ Богу осуществимъ чрезъ искреннюю безкорыстную любовь къ ближнимъ... Вотъ моя религія“...

О религій дѣлъ Пироговъ говоритъ и въ другихъ письмахъ къ А. А. Бистромъ. Такъ, въ письмѣ отъ 10 марта читаемъ: „У тебя есть религія сердца. Но религія дѣлъ, вѣнецъ земной жизни человѣка, о! одна Высшая Воля можетъ помочь намъ въ трудномъ исполненіи этой религій. — Тутъ-то, слѣдя безпристрастно за собою, мы находимъ, что то дѣла наши не согласны съ религіей нашего сердца, то религія сердца не выражается въ нашихъ дѣлахъ такъ, какъ бы это должно быть“¹⁾.

Въ публикуемомъ здѣсь письмѣ встрѣчаются многочисленныя выписки изъ дѣяній апостоловъ. Цитировались Пироговымъ священныя книги по славянскому изданію и переводились имъ, въ видѣ точныхъ выписокъ и въ видѣ изложенія, на русскій языкъ. Надо отмѣтить, что переводъ Пирогова достаточно близокъ и даже совпадаетъ съ синодальнымъ переводомъ Дѣяній святыхъ Апостоловъ (выпущеннымъ впервые въ 1862 г.). Пользуюсь случаемъ выразить глубокую благодарность профессору Петроградской духовной академіи Сергѣю Михайловичу Зарину за его просвѣщенное содѣйствіе, выразившееся въ разъясненіи ряда вопросовъ богословскаго характера, возникшихъ при подготовкѣ публикуемаго письма къ печати.

С. Штрайхъ.

¹⁾ Полностью письмо — въ „Голосъ Минувшаго“, май 1915.

Письма Н. И. Пирогова.

20 апрѣля (1850 г.) четвергъ.

Началъ послѣ Приобщенія Св. Таинъ въ Четвергъ.

Твое послѣднее письмо, неоцѣненный другъ Саша, отъ 10 апрѣля, я получилъ на Страстной недѣлѣ, когда начиналъ говѣть. *Первое* ¹⁾ впечатлѣнiе, которое оно на меня сдѣлало, какъ, признаюсь, и впечатлѣнiя первыя отъ другихъ твоихъ писемъ, не было совсѣмъ выгодно;—почему, навѣрное сказать трудно; но за то, послѣ, когда, во время приготовленiя къ Приобщенiю, я занимался чтенiемъ Евангелiя и жизни Апостоловъ и еще раза два прочелъ опять и послѣднее письмо твое, то почувствовалъ себя щастливымъ ²⁾, что Богъ посылаетъ мнѣ такую жену и такую мать моимъ дѣтямъ, какъ ты.—Но, вотъ тебѣ, *во-первыхъ*, мои замѣчанiя, прежде нежели я перейду къ разсужденiю о предметахъ, еще несравненно болѣе серьезныхъ.

Замѣчанiе 1-ое. Блуди за твоимъ здоровьемъ, оно теперь не твое, а наше общее; подумай, что ты принадлежишь теперь 3-мъ особамъ ³⁾ и не имѣешь права располагать собою такъ, какъ тебѣ хочется. Мнѣ не нравится, что ты занимаешься слишкомъ много и скучаешь о разлукѣ слишкомъ. Первое неблагоприятно, второе нерелигиозно. — Оставь то и другое, если ты хочешь доказать, что меня слушаешься, любя такъ, какъ мнѣ хочется, чтобы ты меня любила: духомъ, идеально, чисто и свято.

Замѣчанiе 2-ое. Боязнь, что ты мнѣ не угодишь, что я тебя разлюблю, что я буду раскаиваться въ выборѣ, не должны бы были приходить тебѣ въ голову, послѣ моихъ писемъ и моей

¹⁾ Набранное курсивомъ подчеркнуто одинъ разъ самимъ Пироговымъ. Набранное жирнымъ шрифтомъ подчеркнуто Пироговымъ 2 и 3 раза.

²⁾ Слово „чувство“ и производныя отъ него Пироговъ пишетъ безъ буквы „в“ въ первомъ слогѣ. Лишь изрѣдка встрѣчается общепринятое начертанiе. Отступленiе наблюдается и въ словѣ „счастье“ съ производными отъ него. Слово „благовѣствованiе“ Пироговъ пишетъ „благовѣтствованье“. Въ остальномъ встрѣчаются лишь случайныя описки; онѣ и правлены.

³⁾ Три особы—Пироговъ и его два сына отъ первой жены: Николай и Владимiръ. О первой женѣ Пирогова—Екатеринѣ Дмитриевнѣ Березиной—и его сыновьяхъ см. „примѣчанiя“ къ письмамъ Н. И., опубликованнымъ въ майской книгѣ „Русской Старины“ за 1915 годъ.

откровенности, которую я тебѣ доказывалъ до сихъ поръ; если бы ты взяла на себя трудъ все это хорошенько обдумать (ты видишь, я тебя не щажу и говорю съ тобою жестко; я не боюсь такъ говорить, потому что чувствую: сердце докажетъ тому, кто истинно любить, что онъ не долженъ въ однѣхъ словахъ искать доказательствъ любви)... Тебѣ пора бы, кажется, убѣдиться, что все, что я тебѣ писалъ въ такой подробности о себѣ и что могло подать поводъ думать, что будто я ужасно хлопочу *о моемъ щастіи*, дѣлалъ я совсѣмъ не для себя, а *для тебя*, чтобъ дать тебѣ средство чрезъ познаніе меня сдѣлаться счастливою.

Твое, а не мое щастіе у меня на умѣ. Нещастія и бѣды въ будущемъ меня какъ-то уже теперь не тревожатъ, я свыкъся съ ними отчасти, думалъ довольно объ ихъ неизбѣжности, и, наконецъ, теперь я чувствую, меня не оставляетъ подкрѣплять Своею Волею и Милосердый мой Отецъ. И такъ, если и бываютъ мгновенія сомнѣній и печали, то я утѣшаюсь вскорѣ, подумавъ, что они также скоротечны, какъ и мгновенія радости. О чемъ же тутъ много хлопотать? — Даже, если хочешь, мгновенія печали и скуки еще какъ-то пріятнѣе; они не оставляютъ въ сердцѣ того опасенія за щастіе, какъ минуты веселости. Но, разумѣется, можетъ ли быть пріятнымъ видѣть жену, которую любишь и которая терпитъ отъ того, что меня не понимаетъ. Мой долгъ, такъ какъ себя перемѣнить совершенно нельзя въ мои лѣта, рассказать ей въ подробности все, что о себѣ знаешь, и показать болѣе худую свою сторону, нежели свои чувства, которыя, надѣвешься и убѣжденъ, обнаружатся всегда довольно явственно, чтобы ихъ замѣтить.

Замѣчаніе 3. Мои насмѣшки и замѣчанія о Женни ¹⁾ ты не поняла. Получивши мои 2 или 3 послѣднія письма ²⁾, ты ихъ лучше поймешь, надѣюсь. Скажу тебѣ и предварю тебя заранѣе ты сама, сердись или не сердись, будешь имъ подвергаться не однажды; но, узнавъ мое сердце, которое не въ состояніи никому желать дѣйствительно зла и которое болѣе способно любить, ты не можешь и не должна ими обижаться. Смѣйся, и мы

¹⁾ Евгенія Θεодоровна Козенъ, родственница А. А. Бистромъ—см. о ней въ майской книгѣ „Русск. Стар.“.

²⁾ Письма отъ 12—17 апрѣля посвящены также вопросамъ воспитанія дѣтей, при чемъ въ первомъ изъ нихъ (отъ 12—15 апрѣля) элементу личному — чувствамъ Пирогова къ невѣстѣ—удѣлено нѣсколько больше мѣста, чѣмъ въ другяxъ, а послѣднее—отъ 18 апрѣля—наполнено исключительно выдержками изъ Евангелія по вопросу о любви къ ближнему.

будемъ вмѣстѣ смѣяться; не бери все сейчасъ съ стороны серьезной, отличай; нѣкоторыя замѣчанія передаются и остаются въ памяти лучше въ видѣ насмѣшки. Не привязывайся слишкомъ къ формѣ. Можно и глубокой смыслъ передать въ шуточномъ видѣ, лишь бы онъ взошелъ въ душу и тотъ, кто его принимаетъ на себя, сумѣлъ бы отличить существенное отъ формы. Никогда не разбирай и не анализируй сказанное въ видѣ насмѣшки серьезно и педантически, этимъ покажешь недостатокъ и неопытность вкуса. Анализируя, нужно всегда примѣняться въ выраженіяхъ и въ образѣ изложенія къ образу изложенія того предмета, который анализируемъ; иначе подвергаешься непріятности быть не слушаннымъ или не читаннымъ, или и слушаннымъ и читаннымъ, но зѣвая, т. е. такъ, какъ ты, однажды, слушала мое чтеніе Шекспирова Цезаря.

Замѣчаніе 4. Богъ знаетъ съ чего ты берешь называть высокими теоріями ума то, что я пишу тебѣ. Что это, насмѣшка что ли надо мною? Смотри, моя душка, чтобы я не надулся на тебя также, какъ ты на меня за письмо отъ 22 марта ¹⁾. Какое послѣ этого я долженъ сдѣлать заключеніе о моемъ умѣ? Когда то, что я писалъ къ тебѣ такъ просто, такъ откровенно, то веселясь, то печалюсь, — но никогда не высоко, — ты называешь вдругъ *высокой теоріей*? Я бы непременно отъ другой особы это счелъ за насмѣшку; но такъ какъ моя душа, Саша, особа слишкомъ серьезная и насмѣшекъ терпѣть не можетъ, то я, дѣйствительно, обижаюсь, думая, что она имѣетъ весьма плохое понятіе о моемъ умѣ, который она считаетъ просто за одинъ только умишко.

Замѣчаніе 5, уже серьезное. Вонмемъ. — Оно, впрочемъ, надѣюсь, будетъ лишнее послѣ того, какъ ты прочтешь и хорошенько поймешь смыслъ моихъ послѣднихъ писемъ.

Смотри, Саша, убѣдись, какъ вы женщины привыкли говорить фразы или же, что еще хуже, какое плохое имѣете вы понятіе о *достоинствѣ и важности вашихъ обязанностей*. И ты, ты, моя избранная, что ты говоришь, послушай: „далѣе не простирается моя умственная способность; при томъ (и все безъ запятыхъ), скажу тебѣ откровенно, я нахожу слишкомъ **достаточнымъ** (сомнительное окончаніе), для женщины (слава Тебѣ, Господи, одна запятая), если она проникнута желаніемъ

¹⁾ Письмо отъ 22 марта содержитъ въ себѣ нѣсколько колкихъ замѣчаній по адресу обывательски-мыслящихъ и занятыхъ мелкими дразгами людей, особенно женщинъ, и въ частности задѣваетъ близкую родственницу А. А. Бистромъ.

выполнять свое назначеніе: ея обязанности жены, матери и хорошей хозяйки. Но и на это надобно довольно умѣнья и проч.“, то-есть, это то же, если бы ты сказала: „я нахожу слишкомъ достаточнымъ жертвовать своею жизнью, своимъ счастьемъ, всѣми земными благами, и на это надобно имѣть довольно умѣнія“.

Да, я думаю.—Такъ вы, женщины, привыкли играть этими святыми словами: жена и мать. „Уже этою достаточно, если я буду хорошая жена, хорошая мать“—повторяете вы,—прости, но не могу удержаться,—какъ сороки. Достаточно! Да что же еще выше этого на земль? Вѣра?—Да, она выше всего, но она же и поставляетъ первую и святою обязанностию для женщины быть хорошею женою и хорошею матерью ¹⁾.—„Но далѣе не простирается моя умственная способность, при томъ же“ и проч. — говоришь ты. Да понимаешь ли ты, какого запаса способности сердца и ума требуетъ надлежащее исполненіе этихъ 2-хъ обязанностей?

Нѣтъ!—Саша, воля твоя, ты не думала еще объ этомъ, или сказала такъ не подумавши. — Прочти, прочти, мои послѣднія письма, пойми, какъ я смотрю на женщину, особливо прочти мой идеаль женщины, и, надѣюсь, ты будешь тогда выше думать о назначеніи женщины и не скажешь: „но и на это надобно имѣть умѣніе“, а будешь благоговѣнно молиться: „Боже! даждь мнѣ Волю и Силу выполнить мое святое назначеніе на земль во Славу Твоего Имени и для блага, Твоимъ Милосердіемъ и Твоею отческою любовью осѣненнаго, человѣчества“.

Замѣчаніе 6 (не менѣе серьезное). Касательно твоихъ взглядовъ и чувствъ о Вѣрѣ, онѣ для меня святы; я преклоняюсь предъ ними и благословляю Моего Господа, что Онъ посылаетъ мнѣ жену такъ вѣрующую, какъ ты. Сохрани меня Боже хотя на волосъ поколебать въ тебѣ это святое, неприкосновенное

¹⁾ Въ статьѣ „Вопросы жизни“ читаемъ: „Вамъ предстоить рѣшить вопросъ: какъ устроить вашъ семейный бытъ и какъ найти сочувствіе въ кругу своихъ? Но, что если васъ не пойметъ та, въ которой вы хотѣли найти сочувствіе къ убѣжденіямъ, такъ дорого прибрѣтеннымъ, въ которой вы ищете сотрудницу въ борьбѣ за идеаль?.. Что, если спокойная, безпечная въ кругу семьи, жена будетъ смотрѣть съ бессмысленною улыбкою идиота на вашу завѣтную борьбу? Или, какъ Марѳа, расточая возможныя заботы домашняго быта, будетъ проникнута одною лишь мыслию: угодить и улучшить матеріальное, земное ваше бытъ?.. Что, если, стараясь нарушить ваши убѣжденія, купленные цѣлжизнію перевоспитанія, трудовъ, борьбы, она не осуществитъ еще и основной мысли при воспитаніи дѣтей?“ Сочиненія, изд. 1914 г., т. I, стр. 31 и 77.

чувство, этотъ залогъ твоихъ добродѣтелей; это значило бы быть злодѣемъ противъ Бога и противъ самого себя; потому что послѣ Бога на чье благо будутъ обращаться эти добродѣтели жены, основанныя на Вѣрѣ, какъ не на благо мое и моихъ дѣтей? И такъ, благодарю Тебя, Отецъ Мой!

Но все же я считаю нужнымъ съ тобою вникнуть въ подробность. Нужно не только вѣрить, но и умѣть доказывать и убѣждать въ вѣрѣ другихъ, особливо дѣтей; нужно умѣть и защищать свою вѣру противъ вѣшнихъ нападеній и сомнѣній, которымъ она всегда подвергалась. Я считаю недостойнымъ настоящаго Вѣрующаго затыкать уши, отступаться и молчать, когда слышишь нападенія и возраженія. Не такъ дѣйствовалъ Спаситель, не такъ дѣйствовали Евангелисты и Апостолы. Спаситель твердо отвѣчалъ на всѣ возраженія фарисеевъ и садукеевъ. Апостолы боролись противъ ересей и безвѣрїя. Следовательно, кромѣ своихъ внутреннихъ, неприкосновенныхъ убѣжденій, тщательно сохраняемыхъ въ скинїи души, нужно еще и быть вооруженнымъ доводами ума и науки, чтобы развить между невѣдующими или маловѣрными свои убѣжденія. Это нашъ долгъ.

Послѣ замѣчаній моихъ на твои письма я распространюсь обо всемъ этомъ въ подробности (см. *вѣра*). Теперь скажу тебѣ только покуда, что: 1) не справедливо съ твоей стороны и не въ духѣ настоящаго христіанскаго ученія говорить: „прежде (у тебя сказано *тамъ*, но смыслъ *тогда*) любовь одушевляла меня (къ Спасителю) и заставляла ненавидѣть все, что не согласовалось съ Божественнымъ ученіемъ“—*Ненавидѣть* не существуетъ въ христіанскомъ ученїи; слово *ненависть* можетъ быть терпимо въ христіанствѣ только въ отношенїи къ безчувственнымъ предметамъ, но не къ лицамъ и не къ взглядамъ ¹⁾.

¹⁾ Черезъ 9 лѣтъ, въ рѣчи при прощанїи съ одесскимъ еврейскимъ обществомъ, Н. И. говорилъ: „Навѣрное всѣ мы раздѣляемъ и мысль великаго Гумбольдта о томъ, что цѣль человечества состоитъ въ развитїи внутренней его силы, къ которой оно должно стремиться общими силами, не стѣсняясь различїемъ племенъ и націй“. Въ рѣчи къ студентамъ университета св. Владимира, произнесенной чрезъ 3 года послѣ только-что цитированной, онъ говорилъ по тому же вопросу: „Вы увѣрились, полагаю, что я водворялъ между вами уваженіе къ закону, долгу и власти не угрозами, не преслѣдованїемъ, не скрытно, а прямымъ и гласнымъ убѣжденїемъ и примѣромъ... Наконецъ, вы,—думаю,—увѣрились, что для меня всѣ вы были одинаково равны, безъ различїя вашихъ національностей... Но не различая вашихъ національностей предъ лицомъ науки, я никогда не мечталъ о слитїи васъ въ одно цѣлое, избѣгалъ раздражать

Терпимость, *indulgence*, *tolerance*,—суть главные отличительныя черты христіанства. Посмотри, какъ поступилъ Спаситель съ блудницей, которую народъ, слѣдуя постановленію Ветхаго Завѣта, хотѣлъ побить камнями ¹⁾. Ненавидя и преслѣдуя (словомъ ли, мыслію ли, дѣломъ ли) тѣхъ, которые не имѣютъ одинакихъ съ нами взглядовъ и религіозныхъ убѣжденій, не превращаемся ли мы въ фарисеевъ и садукеевъ, *навшихъ, ненавидѣвшихъ* и преслѣдовавшихъ Спасителя за то, что Онъ не слѣдовалъ ихъ ученію. Иисусъ бесѣдовалъ, раздѣлялъ трапезы съ мытарями, слѣдовавшими совершенно другимъ религіознымъ взглядамъ. Ученики Его были изумлены, нашедъ Его бесѣдующимъ у колодца съ Самаритянкой.

Ничѣмъ лучше и сильнѣе не убѣждается невѣрующій и маловѣрующій въ истинной утѣшительности и высоты христіанскаго ученія, какъ терпимостію; она убѣждаетъ лучше всѣхъ доводовъ на свѣтѣ. И такъ, *чтобы о религіозной ненависти я никогда отъ тебя не слыжалъ, если ты истинно меня любишь и хочешь слѣдовать моимъ наставленіямъ*. Это въ моихъ глазахъ—правственное преступленіе.

2) Несправедливо также съ твоей стороны думать слѣдующее;—что я впрочемъ не совсѣмъ ясно понимаю,—„правда, что и теперь сердце обливается кровью (вспоминая страданія Спасителя) *при мысли неблагодарности* и опять готова любить и вѣрить, но только тогда буду покойна и счастлива, когда мысль сія непрестанно будетъ преслѣдовать меня (какая мысль? о неблагодарности?),—тогда только пойму всю тщетность своихъ (т. е., моихъ) собственныхъ стараній, когда *не любовь* будетъ одушевлять борьбу съ самимъ собою (т. е. самой собою), а натуральная склонность предпочитать добро злу“.

самолюбіе и навязывать вамъ такія убѣжденія, которыхъ у васъ не могло быть, потому что гнушался притворствомъ и двуличіемъ“...

¹⁾ Сравнимъ это со слѣдующимъ отрывкомъ изъ рѣчи Н. И., которую онъ произнесъ въ апрѣлѣ 1861 г., при оставленіи поста попечителя кievскаго учебнаго округа: „Всякому, кто искренно любитъ людей, вѣрно, не разъ приходилъ на мысль вопросъ, откуда происходитъ недружелюбіе, вражда и ненависть одной націи противъ другой? Начало этихъ чувствъ было бы естественно и извинительно, если бы оно происходило отъ того, что одна нація ненавидѣла бы другую или даже всѣ націи—за взгляды и убѣжденія, противныя челоувѣчности и стремленію къ истинѣ.—Но какая изъ націй можетъ похвалиться, что всѣ ея убѣжденія дѣйствительно основаны на этихъ двухъ высшихъ стремленіяхъ и какую можно порицать за то, что всѣ ея убѣжденія совершенно имъ противны?“ (Сочиненія, т. I, изд. 1914 г., стр. 827).

Что это такое? Ты поймешь тщетность твоихъ стараній бороться, когда склонность къ добру будетъ одушевлять тебя въ борьбѣ? Хочешь ли этимъ сказать, что бороться съ собою изъ одного влеченія къ добру—тщетное стараніе, или что бороться изъ любви—тщетное стараніе? Кажется, ты думала послѣднее. Если такъ, то несправедливо.

Послѣ, говоря о 3-хъ христіанскихъ добродѣтеляхъ, я приведу тебѣ все главное, что нашель въ ученіи Апостоловъ и Евангелистовъ о любви, теперь же достаточно для убѣжденія тебя въ несправедливости слѣдующее: „Есть ли я говорю языками человѣческими и Ангельскими, а любви не имѣю, то я мѣдъ звучащая и кимвалъ звенящій. Есть ли имѣю даръ пророчества и знаю всѣ тайны и имѣю всѣ познанія, такъ что и горы могу переставлять, а не имѣю любви: то я ничто. И если я раздамъ все мое имѣніе и отдамъ тѣло на сожженіе, а любви не имѣю,—то это ни къ чему мнѣ не послужить. Любовь долго-терпитъ, милосердствуетъ, любовь не завидуетъ, не гордится, любовь не превозносится, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не помнитъ зла, не радуется неправдѣ, а радуется истинѣ, *все прикрываетъ, всему вѣритъ, всею надѣется, все переноситъ* (о, мужъ вдохновенный, Самъ Богъ руководилъ твоимъ перомъ!!!). Любовь никогда не перестаетъ, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнутъ, и знанія исчезнутъ... Намъ остаются только три эти: вѣра, надежда, любовь; но *любовь изъ нихъ больше* (Апост. Павла Перв. Послан. къ Коринѳянамъ). „Паче же всего имѣйте *усердную любовь* другъ къ другу; ибо *любовь прикрываетъ множество грѣховъ*“ (Посл. Петра, первое).

Наконецъ, вотъ тебѣ и слова вдохновеннаго Богослова, любимца Спасителя, возлежавшаго на груди Его въ тотъ незабвенный день, когда онъ преломлялъ хлѣбъ: Абб. Dassange, составившій краткую біографію Богослова изъ твореній Св. Августина, Иринея и другихъ, говоритъ:

„Въ послѣднее время его жизни (св. Іоанна) его должны были приносить въ церковь къ вѣрующимъ: и такъ какъ слабость или его преклонный возрастъ (ему было тогда около 100 лѣтъ) и его апостольскіе труды сильно ослабили его, мѣшали ему вести продолжительныя бесѣды, то онъ произносилъ только слѣдующія слова: „Дѣти мои, любите другъ друга!“ Ученики его однажды спросили, почему онъ постоянно повторяетъ одно и

то же.—„Это заповѣдь Господа,—отвѣтилъ онъ,—и достаточно соблюдать только ее, чтобы получить спасеніе“¹⁾).

Отъ чего же въ тебѣ родилась такая недовѣрчивость къ любви?—Или ты подъ именемъ любви разумѣешь теперь только одностороннее влеченіе сердца къ избранному и потому думаешь, что это влеченіе земное, тѣлесное? Да и Апостолы говорятъ очевидно о любви земной, житейской, другъ къ другу. Они одушевляютъ ея послѣдователей ихъ ученія, зная, что сокровенный источникъ этого земного теченія, этой житейской любви,—не земной; онъ данъ человѣку отъ Бога, онъ—самое чистое проявленіе Духа Божія въ натурѣ человѣка, безъ него, безъ этого небеснаго чувства, напоминающаго человѣку безпрестанно о Богѣ, о любви, связывающей Его съ нимъ,—нѣтъ настоящаго влеченія къ добру, нѣтъ „натуральной склонности, какъ ты выражаешься, предпочитать добро злу“.—Дай Богъ, чтобы я въ этомъ случаѣ тебя не понялъ, (что твоя вина, потому что ты не соблюдаешь знаковъ препинанія и мало заботишься о грамматическомъ смыслѣ)²⁾).

Ты, можетъ быть, именно то же хочешь сказать и то же думаешь, что и я: т.-е., что любовь должна одушевлять борьбу, а не одна натуральная склонность предпочитать добру зло; кажется, впрочемъ, это такъ есть изъ того, что слѣдуетъ у тебя послѣ. Такъ и должно быть, Саша не можетъ думать иначе. Ея религія вѣрно основана на любви, на любви къ Богу, на любви къ избранному, на любви къ ближнимъ.—Моя также; но ты послѣ увидишь, какъ я понимаю эту любовь.

„Будемъ молиться, ты говоришь, моя неоцѣненная, чтобы Онъ осѣнилъ сердца наши теплой любовію къ Нему, Источнику всѣхъ благъ, и тогда, проникнутые симъ высокимъ чувствомъ, мы будемъ надѣяться на Его милосердіе и только бы горячія слезы раскаянія омывали прегрѣшенія наши“—(чудо! восхити-

¹⁾ Отрывокъ этотъ изъ книги абб. Дассанжа приведенъ въ письмѣ Пирогова по-французски. Переводъ его, какъ и дальнѣйшихъ отрывковъ, сдѣланъ М. А. Вайсбейнъ, которой приношу за ея любезное содѣйствіе глубокую благодарность. Книги Дассанжа, къ сожалѣнію, не удалось найти ни въ одномъ изъ общихъ или специальныхъ столичныхъ хранилищъ, несмотря на то, что поиски книги принялъ на себя профессоръ Петроградской духовной академіи С. М. Заринъ, затратившій на это много времени и энергіи и вступавшій даже по этому поводу въ переписку съ представителями Московской духовной академіи.

²⁾ Что, по моему убѣжденію, вмѣстѣ съ душевными качествами необходимо для призванія быть образованною женою, матерью и хозяйкою.

Выписка Пирогова.

тельно! святой, глубокой поцѣлуй устамъ твоимъ, произносящимъ эту умиленную мольбу къ Искупителю), — но за этимъ слѣдуетъ то, что противорѣчить моимъ понятіямъ о вѣрѣ; „вѣра, говоришь ты, тогда вмѣнится намъ вмѣсто дѣла“!

Нѣтъ! Саша, вѣру безъ дѣла я не постигаю. Слушай, что сказалъ одинъ изъ моихъ любимыхъ Апостоловъ, Іаковъ: „что пользы, братіи мои, если кто говоритъ, что онъ имѣетъ вѣру, а дѣла не имѣетъ, можетъ ли вѣра спасти его? (Гл. 2, 14). Если, напримѣръ, братъ или сестра наги и не имѣютъ дневнаго пропитанія, а кто-нибудь изъ васъ скажетъ имъ: подите съ миромъ, грѣйтесь и питайтесь, но не дастъ имъ потребнаго для тѣла: что пользы? *Такъ и вѣра, если дѣла не имѣетъ, мертва сама по себѣ.* На сіе можетъ кто-нибудь сказать: ты вѣру имѣешь, а я дѣла имѣю. Покажи мнѣ вѣру твою безъ дѣла твоихъ, а я покажу тебѣ вѣру мою въ дѣлахъ моихъ. Ты вѣришь, что Богъ единъ; хорошо, и бѣсы вѣрятъ и трепещутъ. Неосновательный человѣкъ! Хочешь ли разумѣть, что вѣра безъ дѣла мертва? Авраамъ не дѣлами ли оправдался, возложивъ сына своего на жертвенникъ? Не видишь ли, что вѣра содѣйствовала дѣламъ его и дѣлами совершилась вѣра? И такъ, не видите ли, что дѣлами, а не вѣрою только оправдывается человѣкъ. *Ибо, какъ тѣло безъ духа мертво, такъ и вѣра безъ дѣла мертва*“ (Гл. 2. 14—26).

Послѣ, говоря о вѣрѣ, я тебѣ докажу, что все ученіе Христа было: *вѣра дѣла*.—Это ученіе восторженныхъ піетистовъ, которые не въ дѣлахъ, а въ одной вѣрѣ и молитвѣ заключаютъ все, и тебѣ передано нашею Женни отъ Нильсена¹⁾, а не могло излиться

¹⁾ Нильсенъ—протестантскій проповѣдникъ, имѣвшій успѣхъ въ нѣкоторыхъ кругахъ петербургскаго общества въ концѣ 40-хъ и въ началѣ 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія. По настоянію невѣсты Пироговъ пошелъ (въ мартѣ 1850 г.) послушать Нильсена, но остался недоволенъ его проповѣдью. Такъ, въ письмѣ отъ 12 марта онъ сообщаетъ А. А. Бистромъ: „Сегодня я исполнилъ твое желаніе и слушалъ проповѣдь Нильсена, которая продолжалась около 2 часовъ. Вотъ впечатлѣніе, которое она произвела на меня. Я взшелъ въ церковь съ большимъ расположеніемъ къ молитвѣ. Но на хорахъ было холодно, дуло, и уже это подѣйствовало на меня не совсѣмъ благопріятно. Еще менѣе меня согрѣла проповѣдь Нильсена. *Meine Seele war nicht erquicket.* Крикливая, пронзительнымъ голосомъ произносимая и нерѣдко прерывистая, рѣчь проповѣдника не оживляла и не успокаивала душу. Ни въ этой рѣчи, ни въ мимикѣ не было того величаваго спокойствія, которое я привыкъ воображать въ апостольской проповѣди. Были минуты, въ которыя проповѣдникъ, очевидно, проникнутый убѣжденіемъ въ истинѣ словъ своихъ, говорилъ увлекательно,—но не убѣждалъ и не разливалъ мира въ души... Онъ... не

изъ твоего собственнаго сердца. Нѣтъ! Господи, молю Тебя!
Вмѣни мнѣ дѣла мои, какъ бы они слабы ни были, вмѣсто вѣры
моей, которая была нѣкогда еще слабѣе, и будь милосердъ ко мнѣ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

сказалъ ни слова, какимъ путемъ мы должны достигнуть этой непоколебимой вѣры, безъ которой нѣтъ спасенія, и послѣ въ молитвѣ не призывалъ даже и благословенія Божія на тѣхъ, которые чрезъ незнаніе или заблужденіе еще не достигли этой благодатной вѣры. Для чего же такая нетерпимость? Спаситель былъ милосердъ и къ мытарямъ, и къ саддукеямъ, и къ язычникамъ“. Въ столичныхъ протестантскихъ кругахъ до сихъ поръ сохраняется память о пасторѣ Нильсенѣ, какъ о руководителѣ петроградскаго отдѣленія сарептской общины германскаго союза „Brüdergemeinde“, существовавшего въ столицѣ до 80 годовъ прошлаго столѣтія, имѣвшаго собственную моленную и функціонировавшаго независимо отъ мѣстнаго евангелическо-лютеранскаго управленія.